

Леонид ГРИШИН

ЭХО

Книжная ярмарка, как обычно, началась в середине мая. Поэтесса заняла место за прилавком своей секции. В секции напротив обратил на себя внимание плакат военных лет: Родина-мать зовет. Вдруг нахлынули воспоминания.

...Они с одиннадцатилетним сыном были на даче. После войны дачная земля была нащигована осколками и неразорвавшимися снарядами. Много было работы у саперов. Как-то раз саперы делали осмотр участка соседки через две дачи и в ужас пришли, увидев корыто с кормом для поросят, стоявшее на двух противотанковых минах.

— Откуда? — спрашивают.

— Валялись в огороде, я их и приладила. Хорошо, удобно корытце стоит.

...Однажды трое друзей ее мальчика приехали за ним на велосипедах, он крикнул:

— Мам, мы покатаемся! — и уехали.

Она помнит, что у нее очень тревожно было на сердце. Час нет, второй. Выходила на улицу, смотрела. Вдруг раздался отдаленный взрыв. Через минуту саперный уазик промчался в ту сторону. Сердце стучало мочи нет. Она застыла на дороге в ожидании. Наконец вернулся уазик. Из машины выпрыгнул старший лейтенант. Она помнит, как сказала:

— Мой? — и услышала в ответ:

— Твой.

А дальше не помнит. Ничего не помнит, что было дальше.

И вот сейчас она смотрела на плакат Родины-матери, а видела как наяву тот момент, как подъезжает уазик, оттуда выпрыгивает старший лейтенант и говорит: «Твой». От только одно слово и сказал: «Твой».

Она впала в такой же ступор, как тогда. Люди к ней обращаются, что-то спрашивают, а она не реагирует, замерев с широко открытыми глазами.

В этот момент мужчина с палочкой прогуливался вдоль книжных рядов. Подошел к замершей поэтессе и сам замер от удивления: да это же она, та женщина! И стоит так же, как тогда. Громаднейшие, широко открытые черные глаза. Да, без сомнения, это она. Волос седой, постарела, но глаза, глаза! Широко открыты, так тогда, когда она спросила: «Мой?» Он хотел сказать: «Твой жив». А сказал: «Твой», — и она застыла в такой же позе, как сейчас.

Человек приблизился к поэтессе и произнес:

— Жив твой.

Схватил ее за плечи и повторил:

— Жив твой, жив твой!

Она заморгала, из глаз полились слезы. Он еще раз повторил:

— Жив твой, жив твой!

— Это ты? — спросила она.

— Это я. Жив твой?

— Да, жив. Почему ты тогда сказал: «Твой»? Я подумала, это мой погиб, а он жив...

Спасибо тебе! Спасибо за то, что ты отвез сына в больницу, и там его спасли, — стала благодарить старого знакомого поэтесса, а потом задумчиво молвила: — Это эхо. Как бы не хотелось, чтобы наши внуки услышали это эхо.